

Содержание

Пролог ~~~~~	9
Первая неделя ~~~~~	23
Вторая неделя ~~~~~	105
Третья неделя ~~~~~	177
Благодарности ~~~~~	223

*Разлад — основной момент
человеческого существования.*

Эрнст Кассирер.
Опыт о человеке

Пролог

Однажды в пятницу, в августе, Рахель быстрым шагом шла по Дрездену в сторону площади Мартина Лютера. Она чувствовала себя легко, почти беззаботно и обгоняла большинство пешеходов.

Она подготовила всю бумажную отчетность у себя во врачебном кабинете, полила комнатные растения и оставила уборщице записку с указаниями. Заглянула в свой постоянный книжный магазин и купила по рекомендации книгу Элизабет Страут, которую давно хотела прочитать, — это была история о матери и дочери, ее активно обсуждали.

Петер должен был вернуться домой только через час. Он написал ей из винодельческого хозяйства, прислал фотографии пино-гри и белого бургундского и спросил, согласна ли она с его выбором. Она вдобавок запросила шойребе и получила в ответ короткое «ОК».

В подъезде она опустошила свой почтовый ящик и просмотрела почту: реклама нового пицца-сервиса, счет от маляра, который недавно ремонтировал у них кухню, и составленное по всей форме официальное письмо —

извещение о штрафе за нарушение, зарегистрированное видеокамерой пару недель назад. Девяносто евро плюс двадцать пять евро пошлины плюс запись в центральном реестре нарушений ПДД. Но могло быть и хуже, ведь она тогда проехала на красный свет.

Рахель поднялась по лестнице на третий этаж дома старой постройки и положила почту на комод в коридоре. Когда стягивала туфли, в ее комнате зазвонил телефон. Она мгновение помедлила. Вообще-то ей надо было в туалет, но в этом звонке ей послышалась срочность, не терпящая отлагательства.

Во время разговора ей пришлось сесть.

Пресекающимся голосом мужчина сообщил, что летний дом, который Рахель забронировала для отпуска еще несколько месяцев тому назад, сгорел. Почти столетнее семейное владение в горах разрушено навсегда.

Никакого сострадания к домовладельцу Рахель не почувствовала. Пока мужчина продолжал говорить, извещая ее о сроках возврата аванса и предлагая альтернативу, она ни секунды не думала о его потере, а представляла себе только Петера и его глаза, когда она будет ему об этом рассказывать.

— Ну так что, вы согласны на летний дом в деревне рядом? — спросил мужчина, на сей раз уже совершенно по-деловому.

— Нет, — ответила Рахель. — Пожалуйста, переведите нам деньги назад.

Она подыскивала этот дом для отпуска почти два месяца. С самого начала года, когда пошли первые сообщения о вирусе, они приняли решение провести лето в пределах страны.

И это была удачная находка: домик в Верхней Баварии, в Альпах Аммергау, в полной обособленности на луговом холме. Колодец с насосом и каменной раковиной перед ним; и даже добираться туда было непросто: по ухабистому серпантину через лес. И ни интернета, ни телевидения — никаких развлечений.

Петер уже несколько недель штудировал карты и составлял пешеходные маршруты. Он купил себе дорогие сапоги с мощным протектором, рюкзак для дневных походов, запаса майками и штанами из непромокаемого или легко просыхающего материала, достал первоклассную куртку швейцарской фирмы и специальные носки, стабилизирующие ступню. Рахель тоже основательно экипировалась и в порядке подготовки к походам почти каждый день занималась спортом.

Через три дня они должны были туда поехать. За такой короткий срок невозможно было бы найти что-то сопоставимое — не в этом году, не в этих обстоятельствах. Без особой надежды она внесла на вебсайт летних жилищ свои пожелания. Ноль попаданий. Она попытала счастья на другом сайте — с тем же результатом.

Потом зашла на страницу сгоревшей горной хижины. Переходила от одного фото к другому, от герани в балконных ящиках к маленькой веранде с видом на противопо-

ложный горный массив и снова к дому, на сей раз снятому с другого ракурса. Потом к каменной раковине у колодца и к пестрым цветам на лугу. И вдруг ей почудилось, что она видит пламя на горе. Видит бегущих животных и столб дыма, поднимающийся в ночное звездное небо, а посреди всего этого — себя и Петера, словно на костре.

Случись это все лет десять назад, они бы только покачали головой.

«Кто знает, для чего это было нужно», — сказал бы, наверное, Петер, утешая ее.

Но теперь у него уже нет того самообладания. Его тонкий юмор теперь все чаще опрокидывается в цинизм, а на смену их оживленным разговорам теперь пришла совсем другая дружелюбность. И этому сопутствовало — и было самым худшим из всего — то, что он перестал с ней спать.

Со времени звонка прошло уже полчаса. Рахель стояла у окна своей комнаты и босиком покачивалась на носочках. Ее черные волосы, пронизанные сединой, были, как всегда, заколоты на затылке. Жизнь снаружи, голоса подростков, собравшихся на скамейках перед церковью, она воспринимала как нечто далекое. Разочарование лишило ее сил.

Когда телефон снова зазвонил, она даже не пошевелилась. С закрытыми глазами ждала, когда звонки прекратятся.

Но они не заканчивались.

Она глянула на дисплей телефона: звонила Рут. Рахель невольно распрямила плечи, откашлялась, проверила в зер-

кале рядом с письменным столом выражение своего лица и сняла трубку.

Уже на приветствии она различила какую-то перемену в голосе Рут: в нем недоставало бодрой самоуверенности. Тем не менее та без околичностей сразу перешла к делу: у Виктора несколько дней назад случился апоплексический удар. Было столько тревог и забот, поэтому она только сейчас звонит сообщить об этом. С сегодняшнего дня его на шесть недель положили в реабилитационную клинику в Аренсхопе. Там неожиданно оказалось свободное место. Она хочет его поддержать и поехать с ним, уже договорилась разместиться у их общей подруги Фрауке — художницы, которая живет в Аренсхопе. И теперь ищет, кто бы смог присмотреть за ее домом и за животными в Доротеенфельде. Это не в ее духе — просить, но...

Она осеклась, но потом продолжила: не смогли бы Рахель и Петер взять на себя первые две недели. Она и Виктор были бы так благодарны.

Рахель чуть было не сказала *нет*. *Нет, к сожалению, не получится. Мы уезжаем в горы*. Но тут она снова вспомнила про случившийся пожар и ответила:

— Да, конечно, мы побудем. А если ты хочешь, можем остаться и на три недели.

Петер молчал. Покачал головой и бессильно развел руками.

— Быть того не может! — вырвалось у него наконец. — А как высока математическая вероятность того, что жилье,

которое ты забронировал себе на отпуск, сгорит накануне заселения?

Затем он ушел, понурившись, к себе в комнату. Раньше это была комната Сельмы. После отъезда сестры ее занял Симон, а когда и он покинул родительское гнездо, туда перебрался Петер. Прежняя комната Симона теперь служила в качестве гостевой, а изначальный кабинет Петера перешел к Рахели. Они распределили комнаты по-новому сразу после отъезда Симона. Какое-то время подыскивали себе жилье поменьше, но все квартиры, какие принимались в расчет, были, несмотря на меньшую площадь, дороже и при этом с худшим расположением. Их обжитой Ойссере Нойштадт примыкал к пригородному Радебергу, и они так же быстро могли попасть отсюда на луговой берег Эльбы, как и в парк Дрезденер Хайде; от этого они не хотели отказаться.

Рахель еле заметно вздохнула. Она еще не знала, как скажет мужу о своем согласии пожить в Доротеенфельде. Она подошла к окну, высунулась из него, посмотрела вниз на прохожих и вдруг услышала за спиной голос Петера.

— Что же нам теперь делать, а? — спросил он, сидя в синем шезлонге, только недавно купленном Рахелью.

Она медлила с ответом, но прагматизм в конце концов возобладал.

— А мы едем с тобой в Уккермарк, в Доротеенфельде, уже завтра.

Улыбка сползла у нее с лица, она не могла выдержать его взгляд. Рассматривая маникюр на ногах, она рассказала ему про звонок Рут. Петер издал такой звук, как будто поперхнулся.

— Даже меня не спросив... — сказал он и поднялся с шезлонга. — Вот, значит, как далеко мы уже зашли.

Ее ступни стояли на полу как приклеенные, язык тоже прилип к нёбу, и Петер вышел из комнаты с выражением побежденного на лице.

Рахель села в шезлонг, на то самое место, где только что сидел он. Потом вытянулась и прикрыла локтем глаза. Она смотрела внутрь себя и жалела о том, что сделала.

Позднее, когда она без разбора доставала из шкафа одежду и укладывала в чемодан, мысли все время крутились вокруг Рут. Она видела перед собой ее лицо как живое. С годами в симметрию ее черт вкрались крохотные сдвиги, но Рут по-прежнему содержала себя в безупречном порядке. Особенно в плохие дни бросалось в глаза наружное совершенство ее экипировки — в противоположность вызовам мира. С незапамятных времен эту позицию переняла, казалось, и Рахель. Никогда она не бывала распушенной в присутствии Рут, не одевалась небрежно и не двигалась расслабленно. Эту непоколебимую дисциплину Рут усвоила в годы обучения в Дрезденской школе танца имени Грет Палукки. Она и мать Рахели Эдит учились там классическому танцу с детства. Эдит бросила учебу через три года, а Рут осталась. Дружба между девочками сохранялась и дальше, когда они уже повзрослели.

Отношение Рахели к Виктору и Рут оставалось неизменным на протяжении всей жизни. Их дом в Доротеенфельде всегда был для нее тихой гаванью. Неугомонная жизнь Эдит, обеспечившая Рахели и ее сестре Тамаре бес-

покойное детство с отчимами, сменяющими один другого, с несколькими переездами по всему Дрездену и школами, к которым девочки не успевали привыкнуть, напоминала шторм в открытом море, и хотя поселок Доротеенфельде не был долгосрочной гаванью, но хотя бы давал им целебное безветрие.

В дни пребывания там Эдит и Рут были неразлучны. Связь подруг была, несмотря на все их несходство, тесной, и когда несколько лет назад рак в третий и последний раз проломился в тело Эдит, Рут приехала к ней и осталась. До самого конца.

Они ехали без остановок. Навигатор предсказал им три часа тринадцать минут; Петер находил, что это хорошее время.

По дороге Рахель позвонила детям, поставив телефон на громкую связь. У Сельмы на руках был хнычущий Макс. Его плач перекрывал голос Сельмы.

— Мне очень жаль, мама, что вам придется провести отпуск в другом месте! — кричала она в трубку. — Если сегодня к полуночи у меня появится минутка личного времени, я вас еще раз пожалею.

И она закончила разговор.

Петер тут же принялся успокаивать жену:

— Оставь ее в покое! У нее на руках двое маленьких детей.

— У нее есть муж, который рвет за нее жилы.

— А ты как будто завидуешь?

Рахель решила не углубляться в эту тему и набрала номер Симона.

— Спорим, он не ответит? — Петер ухмыльнулся. Это была первая улыбка за последние дни, за много дней, и, хотя повод ей не понравился, у нее отлегло от сердца. Выждав тринадцать гудков, она нажала кнопку отбоя.

— Для чего ему вообще телефон? — фыркнула она.

— Он сейчас, наверное, где-нибудь в горах.

Рахель кивнула и убрала телефон в сумку.

Вскоре после таблички, известившей о выезде из деревни, они свернули направо. Знак тупика выцвел и стоял покосившись. Виктор — перед тем, как ему пришлось окончательно отказаться от водительских прав, — пару раз таки въехал в столбик с этим знаком. Они тряслись по старой дороге, выложенной плитами, между которыми росла трава, потом плиты кончились, и машина поехала в горку по гальке, смешанной с песком.

Рут встречала их на въезде. Стояла — высокая, прямая. В глубоко декольтированном платье, подчеркивающим впечатляющий бюст. Ни следа старческой слабости, хотя ей было уже почти семьдесят. Рахель вышла из машины и двинулась ей навстречу, пока Петер въезжал во двор и парковался.

Слева от основного дома располагался хлев, справа — просторный амбар. После окончания войны здесь поселились беженцы, позднее в хозяйственном дворе размещалось правление местного сельскохозяйственного кооператива, а потом Виктор и Рут жили с еще двумя семьями в старом

доме председателя кооператива — с печным отоплением и деревянным туалетом с выгребной ямой. В начале 1970-х годов отсюда съехала первая семья, в 1980-е годы — другая.

После Поворота 1989 года Виктор и Рут выкупили хозяйственный двор, к тому времени уже наполовину пришедший в упадок, и постепенно, по частям обновили его. Теперь он уже снова начал медленно разрушаться.

Рут высвободилась из объятий.

— Я вся вспотела, — сказала она и направилась к машине, чтобы поздороваться и с Петером.

На садовом столе стояли графин с водой, кухонная тарелка с защитным колпаком от насекомых и термос с кофе. Рут налила всем кофе и принялась рассказывать о Викторе. Пока она говорила, Рахель спросила себя, сможет ли она сама однажды с такой любовью говорить о Петере. Глубокая привязанность сквозила в каждом слове Рут, и Рахель почувствовала на себе взгляд мужа.

После кофе они достали из машины свой багаж и последовали за Рут вверх по лестнице. На втором этаже она указала направо на комнату в конце коридора:

— Спать вам лучше всего там, в северо-восточной комнате. В ней всегда приятная прохлада. Ну или, — она указала в другую сторону, — можете разместиться в той комнате. Она выходит на юго-запад, оттуда видно, как озеро поблескивает между деревьев. Но что я вам рассказываю, вы и так здесь всё знаете.

Рут развернулась и снова спустилась по лестнице вниз. Даже не обменявшись взглядами, они разошлись в разные

стороны — Петер на северо-восток, а Рахель на юго-запад. И каждый тихонько закрыл за собой свою дверь.

Позднее Рут консультировала их и давала указания. Один только полив всех растений требовал не меньше часа в день; воду они должны были черпать из бочек вокруг дома, в которые она собиралась во время дождей.

Мастерская Виктора располагалась в передней части амбара, но они туда не пошли. В последние годы, рассказывала Рут, его работы становились всё меньше. Физические силы покидали его, а воображение и ремесленное мастерство оставались при нем.

Животные представляли собой самую трудную часть. Ни Петер, ни Рахель не имели опыта обращения с живностью. Теперь на их попечении оставались лошадь, несколько кошек, дюжина кур и нелетающий белый аист.

Они обошли весь хозяйственный двор. Одно окошко в хлеву должно всегда оставаться открытым, чтобы ласточки беспрепятственно могли влетать в него и снова вылетать. В загородке для кур, расположенном позади хлева, на нескольких яблонях уже поспели яблоки. Ограда из проволочной сетки в нескольких местах была здесь залатана. Во всех углах и концах хозяйства ждала работа. Многочисленные кусты роз у стены хлева во внутреннем дворе давно уже нуждались в подрезке, разросшийся виноград под навесом хлева засох и требовал прореживания; во время обхода хозяйства Рахель насчитала три разбитых окна, и всюду лежал неубранный слой листвы и сухих веточек — еще с прошлого года.

Рут делала вид, что тут у нее все в порядке.

Внезапно она косо взглянула в небо.

— Сейчас семь часов, — сказала она. — Время ужина.

Ужинали они во внутреннем дворе за красиво накрытым столом; тем временем наступающие сумерки милосердно поглощали знаки распада. На ужин были солянка, хлеб, красное вино и вода, и Петер в момент высшего блаженства сказал на широком саксонском диалекте:

— *Бесперечно!*

Рут звучно рассмеялась, заразив своим смехом и Рахель, обе повторяли хором: *Бесперечно!* — и в ту же секунду у Рахели вспыхнуло одно воспоминание.

Это было не так давно, года два назад, они тогда так же сидели здесь и смеялись, с Виктором, Рут и Симоном, и тоже была солянка с хлебом и вином. Симон не пил, и когда Виктор заговорил с ним об этом, объяснил причину. Рахель и Петер уже обо всем знали. После занятий на кафедре спорта в Университете бундесвера их сын хотел сдать вступительный экзамен на получение специальности военного горного проводника. Ему требовалось еще два-три года, чтобы подготовиться. Скалолазание и спуск на лыжах повышенной сложности в труднопроходимой высокоальпийской местности при тяжелейших погодных условиях входили в состав тренировок так же, как формирование выносливости, силы воли и характера. И все это для него начиналось с отказа от алкоголя. Уже само решение в пользу военной карьеры привело когда-то Рахель в ужас. А ее сын в качестве командира взвода горно-

стрелковых частей — это был уже следующий шок. Его заверения, что все это означает скорее спортивный вызов, ее не успокаивали. Виктор в тот день также был полон сомнений. «И тогда, если что случится, ты сложишь голову за эту страну, — растерянно воскликнул он. — И никто тебе за это и спасибо не скажет».

Иногда Рут ее пугала — словно могла читать мысли. Вот и сейчас она вдруг спросила у Рахели про Симона.

— Он все еще в Мюнхене, в Университете бундесвера, — ответил Петер.

— Он мне так и не перезвонил, наш кандидат в офицеры, — пробормотала Рахель, озабоченно глядя в свой телефон. Потом она открыла папку с фотографиями, на большинстве которых были ее дети или внуки, но комментарии Рут ограничились лишь общими вежливыми фразами. В нужных местах она говорила своим низким голосом «Ах, да», «Как красиво» или «Ага», но взгляд ее при этом рассеянно блуждал, а смех звучал фальшиво. Она зевнула, прикрыв рот ладонью, и сообщила, что хочет уехать утром пораньше.

— Вам не надо вставать так рано. Мы простимся сейчас, и этого будет достаточно, — сказала она со своей обычной определенностью.

Первая неделя

Понедельник

Когда Рахель встала, было уже почти восемь. Должно быть, она отключила будильник, но не могла вспомнить, когда сделала это. Не так уж много она и спала. Заснула только в час ночи — после того, как Симон ответил на ее сообщение.

Мама, привет, мне, честно, жаль, что у вас не сложилось с отпуском в Баварии. Я бы тут к вам заглянул и показал пару красивых маршрутов. Ну ладно, как-нибудь в другой раз! У меня все хорошо. Сейчас тренируюсь на хребте Карвендель. Всем привет от меня. Симон.

В первое мгновение она вздохнула с облегчением, хотя, разумеется, точно знала, что риск сопровождает его постоянно. Демоны ночного страха то и дело терзали ее видями его тела, распластанного на дне пропасти.

В своем кабинете психолога ей не раз приходилось принимать то женщину, единственного ребенка которой сбила на дороге машина, то мужчину, собственными глазами видевшего издали, как его дочь тонет в Балтийском море. Они сидели перед ней, словно погасшие огни, уже непригодные для радостей жизни, но слишком бессильные, чтобы покончить с собой.

Рахель встала, пошла в ванную через коридор, вынула изо рта накусочную шину. Она и сама перешла бы в это выгоревшее состояние, случись что с кем-то из ее детей. Она отогнала от себя эту мысль, почистила шину, вставила ее в пластиковый футляр и попила воды из-под крана. Потом вернулась в комнату, сменила ночную рубашку на черное льняное платье и выглянула из окна. Чья-то фигура удалялась в лес в сторону озера. Рахель взяла с ночного столика свои очки и снова посмотрела в окно. Человек уже скрылся, только аист расхаживал позади дома, поджав голову.

— Змеями, мышами, кротоми. Живыми, разумеется, — даже не поморщившись, ответила ей Рут на вопрос о том, чем питается аист. Сполна насладившись их растерянными физиономиями, Рут все-таки выпустила себе на лицо улыбку: — Но вы можете взять в холодильнике и мелкую рыбу, она его тоже устроит. А в морозилке есть запас цыплят и мышей. Если же пройдет дождь, можете собрать улиток с люпина и функий — аист будет вам премного благодарен.

Имени у птицы не было.

Рахель босиком прошла по коридору до комнаты Петера. Она постучала и подождала, потом еще раз постучала и вошла. Окна стояли открытыми настежь, ветки бузины почти врывались в комнату, в глубине куста чирикали воробьи. Кровать Петера была пуста и аккуратно заправлена. Рахель села на краешек и сунула ладонь под одеяло, чтобы нащупать его тепло. Но простыня была уже холодной и гладкой.

На письменном столе были стопкой выложены книги, которые он собирался здесь читать: «Пропаганда» Штеффена Копецки, первый том Рикарды Хух «В старом рейхе. Облики немецких городов», сборник эссе Монтея, «Полное собрание стихов» Тумаса Транстрёмера, «Записки грабителя» Пьера Паоло Пазолини и «Уход в лес» Эрнста Юнгера.

Посреди стола поверх новенькой тетради лежал свежезаточенный карандаш, в сторонке — очки и упаковка бумажных носовых платков. По какой-то причине эта тщательно выстроенная композиция глубоко растрогала ее. Она вышла из комнаты, не оставив в ней никаких следов, и спустилась по лестнице.

Немного растерянно вошла в кухню. Какой бы она сделала сейчас капучино в собственной кофейной машине, со сливочной молочной пеной и щепоткой коричневого сахара! Она прошла по кухне, открывая дверцы шкафов и постепенно за кажущимся хаосом постигая порядок, установленный Рут. Кофейной машины у нее не было, только кофейник френч-пресс. Рут и Виктор были страстными поклонниками зеленого чая. Большой выбор чайников, чашек и других приспособлений Петер с радостью отметил здесь сразу по прибытии.

Она ополоснула френч-пресс горячей водой, нашла молотый кофе в черной жестяной банке. Понюхала — кажется, он был свежий. И тут услышала, как хлопнула входная дверь и раздались шаги Петера в прихожей. Он вошел в хорошем расположении духа и сообщил, что искупался в озере.

— Ах, так это ты был тот человек в лесу, — сказала она.

Он кивнул:

— Я был единственным пловцом во всем этом озере.

— Налить тебе чаю? — спросила она, дотронувшись до его локтя.

— Нет, я сам сделаю.

Пока Петер с воодушевлением отмечал, что у здешнего кипятильного чайника есть шкала установки температуры и таким образом без проблем можно заварить чай при температуре 70 градусов, Рахель сварила себе кашу. Между тем они распределили обязанности. Петер, который никогда не имел пристрастия к животным и на все просьбы и мольбы детей завести домашнего питомца постоянно отвечал непоколебимым отказом, вдруг, к ее удивлению, заявил:

— Животных я беру на себя.

А Рахель и рада. Ей куда милее сад.

Петер быстро позавтракал и встал из-за стола. Она видела, что он направился к хлеву, откуда вскоре вывел уже взнузданного коня. Это была двадцатитрехлетняя кобыла рыжей масти по кличке Байла. Вот уже пять лет она жила здесь из милости — после того, как ее отбраковали из конного спорта из-за травмы. Байла топала вслед за Петером, но, кажется, совсем не радовалась тому, что ее выводят из стойла. Она то и дело останавливалась, прядала ушами и упиралась копытами в землю. Тянуть ее и ласково уговаривать было бессмысленно. И вдруг Петер взял вожжу от уздечки, замахнулся, стеганул строптивую Байлу по крупу, и она немедленно оживилась и пошла за ним как следует.

Чуть позже Рахель наблюдала, как он кормит аиста. Тот получил свою рыбу, сервированную в пластиковой миске,

и жадно накинулся на нее. Кур Рут выпустила и покормила еще перед своим отъездом, и кошки тоже, судя по всему, были сыты и довольны. Они полеживали или бродили по двору либо проскальзывали через кошачьи заслонки в дом, где слонялись по первому этажу.

Рахель оставила посуду в кухне и вышла во двор. Она взяла в руки лейку, но дождевые бочки оказались пустыми. Значит, и в этих местах лето стало более жарким, сухим и пыльным. В лесах погибали буки и ели, уже в августе приобретаая осенний вид. Она открыла кран у входной двери, развернула шланг, закрепленный на этом кране, и принялась поливать те растения, которые, на ее взгляд, имели лучшие шансы на выживание. Садовый гибискус, штокрозы, рододендрон, несколько кустов гортензий, календула и хоста хотя и клонились вяло к земле, но вскоре снова распрямились. Только лаванда и без полива чувствовала себя великолепно, создавая вокруг остров благоухания. Как со всем этим двором и домом управлялись почти семидесятилетняя Рут и ее муж, к тому же на десять лет старше ее, было для Рахели загадкой, и она не могла себе представить, что будет, если Виктор не оправится от болезни.

Петер был занят до самого обеда. Рахель выложила на стол содержимое поддона для овощей, испорченное выбросила, а из остального решила сварить суп. Хлеба оставалось еще достаточно. Стол она приготовила к обеду во дворе, раскрыла над ним зонт от солнца, промыла глиняный охладитель вина и выбрала из привезенного запаса напитков бутылку белого пино.

В холодильнике она обнаружила еще две копченые колбаски «хрустящего ягненка» и обе со вздохом положила Петеру. С некоторых пор она стала меньше есть, чтобы сохранить фигуру.

За столом Петер сказал ей, что собирается после обеда предпринять более продолжительную прогулку с Байлой. Сославшись на слова Рут, что кобыле надо давать двигаться не меньше часа в день. При этом он не смотрел на Рахель и не спросил, не хочет ли она пойти вместе с ними.

Когда он уносил в дом посуду, один стакан упал на каменную плиту перед дверью. Петер замер, глядя на осколки, разлетевшиеся по полу. Несколько секунд он не шевелился, только смотрел, и это был такой взгляд, который не позволил Рахели броситься ему на помощь. Она отвернулась. Солнечный луч упал ей на лицо, и она зажмурилась. А когда снова открыла глаза, Петер, присев на корточки, уже сметал осколки в кучку щеткой для мусора.

Петер увел Байлу на прогулку, а Рахель прошла по дому. Он стоял здесь уже больше ста пятидесяти лет; будучи организмом с собственными законами, принимал в себя все новых людей, окутывал их, поглощал, пронизывал их собой, действовал сперва на них, а потом посредством их и на окружающее.

Светлая древесина полов была в глубоких трещинах; терракотовые плитки в кухне частью полопались, где-то откололись кусочками, целых участков не было. Все горизонтальные поверхности были чем-нибудь заняты — каждый подоконник, каждый комод, каждый стол нес на себе то

стопку газет, то каталоги выставок, то книги, фотографии, компакт-диски, записки, наброски и кучи резных фигурок для детей, которых Рут так никогда и не родила.

Рахель опознала среди них те, которые Виктор сделал когда-то для нее. Одну из них — эльфа — она прихватила с собой, отправляясь на обход дома.

Когда в коридоре зазвонил телефон, она помедлила. Рут не дала ей никаких указаний, что отвечать на телефонные звонки. Аппарат был новый. Рядом еще лежала инструкция по использованию и кассовый чек. Она подошла к аппарату раньше, чем включился автоответчик.

— Алло, Рахель, — сказала Рут. — Я благополучно добралась до Виктора и должна передать тебе от него сердечный привет. Он мне про это трижды напомнил, должно быть, для него это исключительно важно.

— Спасибо! Как у него дела?

— Соответственно обстоятельствам. Послушай, мне, к сожалению, придется прервать разговор, потому что с минуты на минуту зайдет врач, чтобы обсудить план лечения. Скажи быстро, как там наша живность?

— Хорошо! Даже очень! Не беспокойся, у нас всё под контролем.

— Это приятно слышать. Я еще позвоню. Пока, моя дорогая, и привет Петеру.

— Передам.

Только когда Рут положила трубку, Рахель вспомнила все вопросы, которые должна была задать хозяйке дома.

Где пылесос? Когда приезжает мусоровоз? Надо ли пересылать Рут поступившую почту?

На мгновение она застыла перед аппаратом, потом сунула эльфа в карман платья, вышла из дома, пересекла двор и открыла дверь в мастерскую Виктора.

В самом углу помещения, куда не дотягивался солнечный свет, на подиуме стояла скульптура в натуральную величину. Обнаженная женщина, слегка расставив ноги, откинулась торсом и руками назад. Поза танцовщицы или выражение непомерной боли. Рахель подошла ближе и испугалась: между ног, прямо под лобком, паук сплел свою паутину. С омерзением и в то же время завороченно Рахель наблюдала за насекомым, которое внезапно убежало в свое укрытие.

Она взяла стул, чтобы поближе рассмотреть лицо скульптуры. Это, без сомнения, была Рут, но Рут как молодая женщина, Рут до брака, как танцовщица, как муза художника Виктора Кольбе.

Справа на стене висели расположенные аккуратно по размеру стамески. Их было под сотню. На верстаке стояла открытая коробка с резцами, а рядом — несколько начатых работ, почти все с религиозным оттенком. Чуть в стороне лежала книга «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» неизвестного русского автора второй половины XIX века. На отдельной бумажке было выведено экспрессивным почерком Виктора: *Молитесь беспрестанно! И: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго.*

Рахель удивленно полистала книгу «странника». Насколько она знала, Виктор не был верующим.

Она положила книгу на место и вышла из мастерской в странно подавленном настроении.

У себя в комнате она взяла полотенце, накинула его на плечи и отправилась к озеру. С места купания на другом берегу доносились голоса подростков, но на своей стороне она была одна. Купалась она, как обычно, голой. Холодная, чистая вода вобрала ее в себя, плотно окружила ее тело; это был тот миг погружения, который она любила, когда исчезали все наземные звуки и ее охватывала полная, совершенная тишина.

На обратном пути она пыталась представить себе, что бы они сейчас делали в Баварии, если бы тот дом не сгорел. Но никакой определенной картинки не получилось увидеть.

Петер сидел во дворе на скамейке в тени. Он низко нагнул шляпу на лицо, скрестил на груди руки и, казалось, дремал. Когда она приблизилась, он поднял голову.

Они сидели рядом, не соприкасаясь. Рассказывая о своей прогулке с Байлой, он рассмешил Рахель. Сперва кобыла делала вид, что хромотает. Она то и дело останавливалась, скидывала голову или пыталась щипать траву на обочине тропы. Но на обратном пути она вдруг заспешила, и Петеру было даже трудно поспевать за ней.

Но как раз тогда, когда она хотела рассказать ему о своей находке в мастерской, он встал и сказал:

— Пойду-ка я полежу.

— Хорошо, — ответила она, хотя не находила в этом ничего хорошего.

Перед ужином Рахель нашпиговала две половинки лимона пряными гвоздичками и положила их на стол во дворе, чтобы не донимали осы. В холодильнике она нашла остатки говяжьей ветчины, кусок мягкого козьего сыра и несколько оливок. Завтра надо будет обязательно поехать за продуктами.

Ей хотелось красного вина, но мысль о последующем плохом сне испортила ей все удовольствие.

Она вынесла из кухни поднос с посудой, накрыла стол и увидела, как из дома выходит Петер. В руках он нес три большие банки кошачьего корма, который разложил по нескольким мискам. Потом сел в сторонке прямо на землю и смотрел, как кормится вся эта орава. Маленькая рыжая кошка, у которой не было одного уха, тщетно пыталась пробраться к корму. Петер разогнал остальных, взял одну миску, прихватил с собой рыжую и отошел с ней в сторонку, где она могла беспрепятственно поесть под его охраной.

— Ты разрушаешь им всю иерархию! — крикнула ему Рахель.

Он кивнул, и вид у него был при этом очень довольный.

После еды он отодвинул свою тарелку на середину стола, отпил большой глоток пива, отставил бутылку, вытянул ноги и сцепил ладони за затылком — поза, которую Рахель видела у многих мужчин, но никогда прежде не замечала у Петера.

— Собственно, даже хорошо, что не сложилось с Баварией, ты не находишь? — спросил он, и, хотя эта мысль уже приходила в голову и ей самой, она возразила:

— Нет. Даже не знаю, что в этом может быть хорошего. Он посмотрел на нее серьезно. Потом выпрямился, не прерываясь допил пиво и принялся убирать посуду.

Рахель оставалась сидеть снаружи, пока глаза не привыкли к темноте. Луна освещала двор достаточно хорошо, так что она могла различать очертания предметов и видеть многочисленных проносящихся мимо летучих мышей. В этот и следующие несколько дней метеоритный поток Персеиды должен был достигнуть максимума. Как хорошо было бы сейчас посмотреть в небо вместе с Петером, а потом, может быть, переспать с ним.

Его отказ от этой стороны жизни мучил ее.

Еще до этой истории в университете Рахель кое-что настораживало. То, каким стал их секс и что инициатива почти всегда исходила от нее, — эти сигналы были ей знакомы. Несколько раз пациенты рассказывали ей, как их покидала сексуальность. Любовь превращалась в нежную дружбу, и возврат назад был редким.

Вместе с тем Петер сразу после оргазма начинал говорить на какую-нибудь тему, которая его в тот момент занимала. И потом снова смотрел на нее с этой примечательной мягкостью. Взгляды, лишённые желания, оставляли ее тело вялым. Когда потом подступили первые признаки климакса, ее стало бросать в перепады настроения — образцово и типично, как в учебниках. Бывали моменты, когда она, переполненная желанием, звонила в университет и заманивала Петера домой. А в другие дни его прикосновения делались

для нее нестерпимыми. Иногда она хотела его по несколько раз на дню, а когда он начал уклоняться от ее активности, она испуганно спросила, нет ли у него кого на стороне.

— Боже мой, Рахель! — ответил он. — Во-первых, меня не очень возбуждает, когда дичь ложится мне прямо под ружье, а во-вторых, есть люди, для которых секс не имеет такого уж большого значения.

Это ее задело. Несколько недель она дулась и какое-то время уже собиралась принимать гормональные препараты, чтобы сократить амплитуду сильных чувств. Но если быть честной, она хотела чувствовать все — слезы, приходящие внезапно ниоткуда, подавленность и потоотделение, эйфорию просто от ощущения себя живой и голод по своему мужу.

Иногда это был не голод по нему, а просто потребность в мужчине.

Вторник

Судя по положению солнца, время двигалось уже к полудню. Опять она слишком долго спала, и ей показалось, что она украла у себя самой целый кусок жизни.

Она натянула на себя вчерашнее черное льняное платье и уже догадывалась, что будет носить его и в последующие дни. Когда надевала, из кармана платья на пол выпал эльф. Крылышко у него отломилось. Она бережно положила его на ночной столик, фигурку поставила рядом и подумала о Викторе. Его интерес к ней, Рахели, бросался в глаза; с ее сестрой Тamarой он обращался скорее равнодушно. Когда об этой особенности однажды заговорила Рут, он коротко объяснил, что у Тамары есть отец, а у Рахели нет.

В кухне стоял остывший чай. От Петера не было и следа, и в этот момент она испытала облегчение. Сварила кофе, намазала вареньем кусочек хлеба и съела его стоя. Она не могла бы объяснить себе, что именно опять потянуло ее в мастерскую Виктора. Она осторожно несла полную чашку кофе наискосок через двор и напрямиком прошла к верстаку, на котором лежала книга. *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго.* Несколько раз подряд она повторила эту молитву, по-разному ее интонируя, пока не нащупала нужный ритм. *Господи, Иисусе Христе, Сыне*

Божий, помилуй мя, грешную. Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную. Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную. Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную. Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную.

Она не ощутила никакого благодатного воздействия.

Рядом с верстаком стоял шкаф с графикой. В верхнем выдвижном ящике лежали угольные рисунки животных, главным образом лошадей и кошек. Во втором ящике Рахель нашла несколько карандашей, картонную коробку с угольными стержнями, блоки для эскизов, упаковку табака вместе с фильтрами и бумагой, свечи и зажигалки. Табак был еще сырой, он не мог быть старым. Знала ли об этом Рут?

Она вытянула другой выдвижной ящик: несколько рисунков женского торса в различных позах. Она просмотрела их все. Большинство из них были бегло набросанными эскизами, лишь немногие казались проработанными. Последний рисунок был с головой и лицом: то была Эдит, мать Рахели.

Рядом еще одна стопка рисунков. На них ребенок, и этот ребенок — она сама.

Несколько минут она разглядывала эти рисунки. Содержимое ящика не было предназначено для посторонних глаз. Она казалась сама себе вором и одновременно человеком, от которого утаили его собственность.

Дрожащими руками Рахель достала из другого ящика табак. Вытянула из упаковки бумагу и свернула себе сигарету — первую после двадцатилетнего перерыва. Но не

успела она ее закурить, как услышала стук копыт по вымощенному двору и, выглянув в окно, увидела Байлу. Кобыла остановилась, пару раз шаркнула правым передним копытом и фыркнула. Вожжа с уздечки свободно болталась, Петера не было и в помине. Рахель отложила свернутую сигарету на стол и поспешила наружу.

Петер притопал минут через пять. Он качал головой и смеялся:

— Я всего-то нагнулся завязать шнурок, а она дала от меня дёру.

Он взял в руки вожжу и принялся читать Байле нотацию.

Говорил бы он со мной хотя бы столько же, подумала Рахель, глядя ему вслед, когда он уводил кобылу в стойло.

После короткого купания в озере Рахель вернулась в дом. Она надеялась застать Петера в его комнате. Открытие, сделанное в мастерской, не давало ей покоя; возникшие вопросы казались ей чудовищными, а единственный человек, который мог на них ответить, лежал сейчас под опекой своей заботливой жены в реабилитационной клинике на Балтийском море.

Но с Петером она хотела поговорить о другом.

Она подобрала и заколола волосы так, как ему нравилось, по бокам вытянула пару «выбившихся» прядок, слегка тронула губы помадой, накрашила ресницы и некоторое время разглядывала себя в зеркале. В хорошие дни ей ни за что не дашь ее сорок девять лет.

С каждым шагом в его сторону она шла все осторожнее. Старые половицы скрипели, и когда она уже хотела постучать, он крикнул:

— Входи!

Сидя за письменным столом над раскрытой книгой, он повернулся к ней и снял очки.

— Петер, скажи мне, что с нами?

Он указал ей на стул, стоящий у кровати:

— Да садись же.

Под мышками у нее собрались и скатились вниз капли холодного пота, она внимательно всматривалась в его лицо. Ей было хорошо видно, как он подыскивает слова.

— Петер, ну же!

— Ты застала меня врасплох, Рахель. Я боюсь сказать что-нибудь не так. Я... Давай поговорим потом? Сегодня вечером?

С полным достоинства спокойствием она поднялась и направилась к двери. Она даже вымучила из себя слабую улыбку и потом устремилась по длинному коридору к своей комнате.

Уже год и четыре месяца Петер проводил основную часть своего времени в одиночестве. Ему было хорошо. Он читал, сравнивая, разные переводы одного и того же труда, смотрел документальные фильмы о животных, передачи об исторических личностях или путешествиях, предпринимал дальние велосипедные выезды в винодельческие хозяйства в окрестностях Дрездена или неделями занимался одной тщательно выбранной темой, которую затем подсвечивал

литературными, художественными и научными данными. Его склонность к основательности доходила до педантизма, критическая дистанция оборачивалась отречением от мира.

В тот четверг он пришел домой раньше обычного; то был день, когда сломалось его равновесие, давно уже ставшее хрупким. Рахель его еще не ждала в это время. Когда она вышла из душа, обернутая лишь полотенцем, он неподвижно стоял в коридоре. Его наполовину отсутствующий, наполовину отторгающий взгляд не предвещал ничего хорошего, и ей моментально стало ясно, что этот вечер пойдет совсем иначе, чем хотелось бы. Притом что это была годовщина их свадьбы. Двадцать восьмая.

— Что стряслось? — спросила она, не сумев скрыть легкое раздражение в своем тоне.

Слишком уж часто в последнее время что-нибудь *стрясалось*, когда он приходил домой. Практически каждый день он возмущался тем, до какой степени многие студенты находились в состоянии войны с орфографией и грамматикой, как мало они читали и как невежественны были по части истории.

Рахель на эти его жалобы закатывала глаза. Ее прагматизм не позволял ей доходить до такого бесполезного возмущения, и, хотя ей было ясно, что люди страдают от склада характера Петера, терпение ее было на исходе.

— Ну идем уже, я открою бутылку вина, — сказала она, когда Петер замолчал.

Он помотал головой. На кухне налил себе стакан воды и выпил его.